

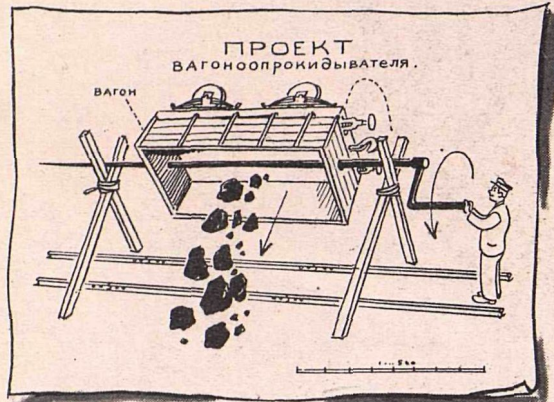

— Ну и досталось же нашей Тане за её работу!

К Р О К О Д И Л

Прямая связь, или врио телефона.

Проект временного вагонопрокидывателя, разработанный конструкторским бюро Крокодила.

КРОКОДИЛ У ДНЕПРОДЗЕРЖИНЦЕВ

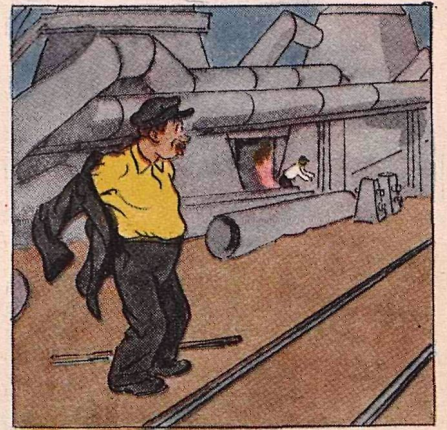
Рисунки А. БАЖЕНОВА.

Представьте себе автомобиль «ЗИМ», у которого вместо фар керосиновые лампы. Вообразите станцию метро, куда пассажиры спускаются не на эскалаторе, а в примитивной шахтёрской бадье конца прошлого столетия. Странно, не правда ли? Так же примерно странно выглядят некоторые детали производственного быта на заводе имени Дзержинского в городе Днепродзержинске. На заводе, оборудованном по последнему слову техники, нет вагонопрокидывателя, рудоразмораживающего гаража, эстакады. Трест «Дзержинкстрой» затягивает их сооружение, несмотря на многочисленные кляквы и трогающие душу заверения управляющего трестом тов. Арешковича.

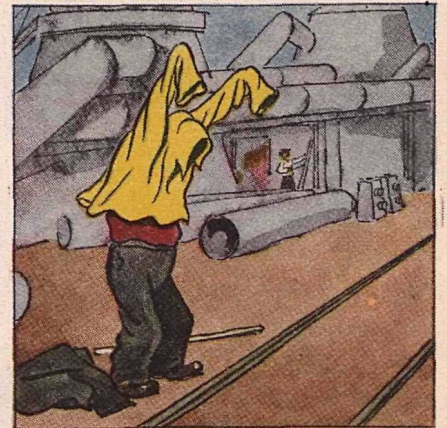
Да что вагонопрокидыватели! Доменщики мечтают о более простом механизме. Мы имеем в виду телефонный аппарат, который бы связал доменный цех со шлаковой свалкой, где часто задерживаются шлаковые чаши. А железнодорожники, те грезят о такой вещи, как... сигнальный флажок...

Наш художник А. Баженов побывал на заводе и выразил свои впечатления в рисунках. Незамысловатый проект вагонопрокидывателя, который здесь предлагается, мы, не в пример иным проектным бюро, совершенно бесплатно предоставляем руководству завода и треста.

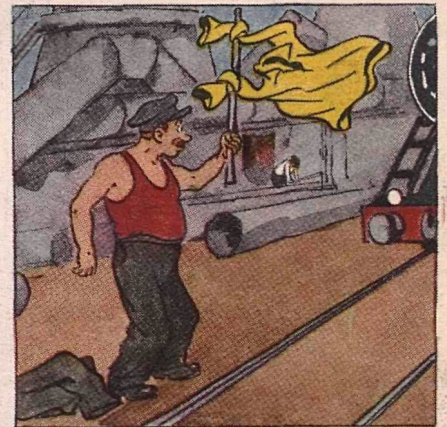
ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО (СИГНАЛИЗАЦИИ)

Поезд идёт...

...надо дать сигнал...

«СНЕГУРОЧКА» В ПОСТАНОВКЕ «ДЗЕРЖИНКСТРОЯ»

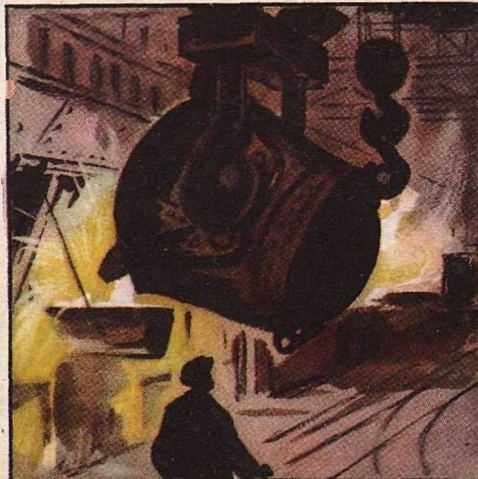
— Уходите! Вы здесь растаете!
— Что вы! Пока здесь только тают надежды металлургов.

САМ ЧЕРТ НОГУ СЛОМАЛ

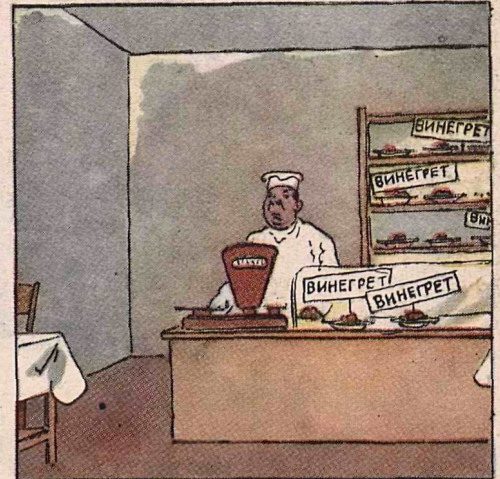
У листопркатного цеха гора обрезков железа достигла крыши. Их никто не убирает, хотя в металлошхите остро нуждаются доменщики.

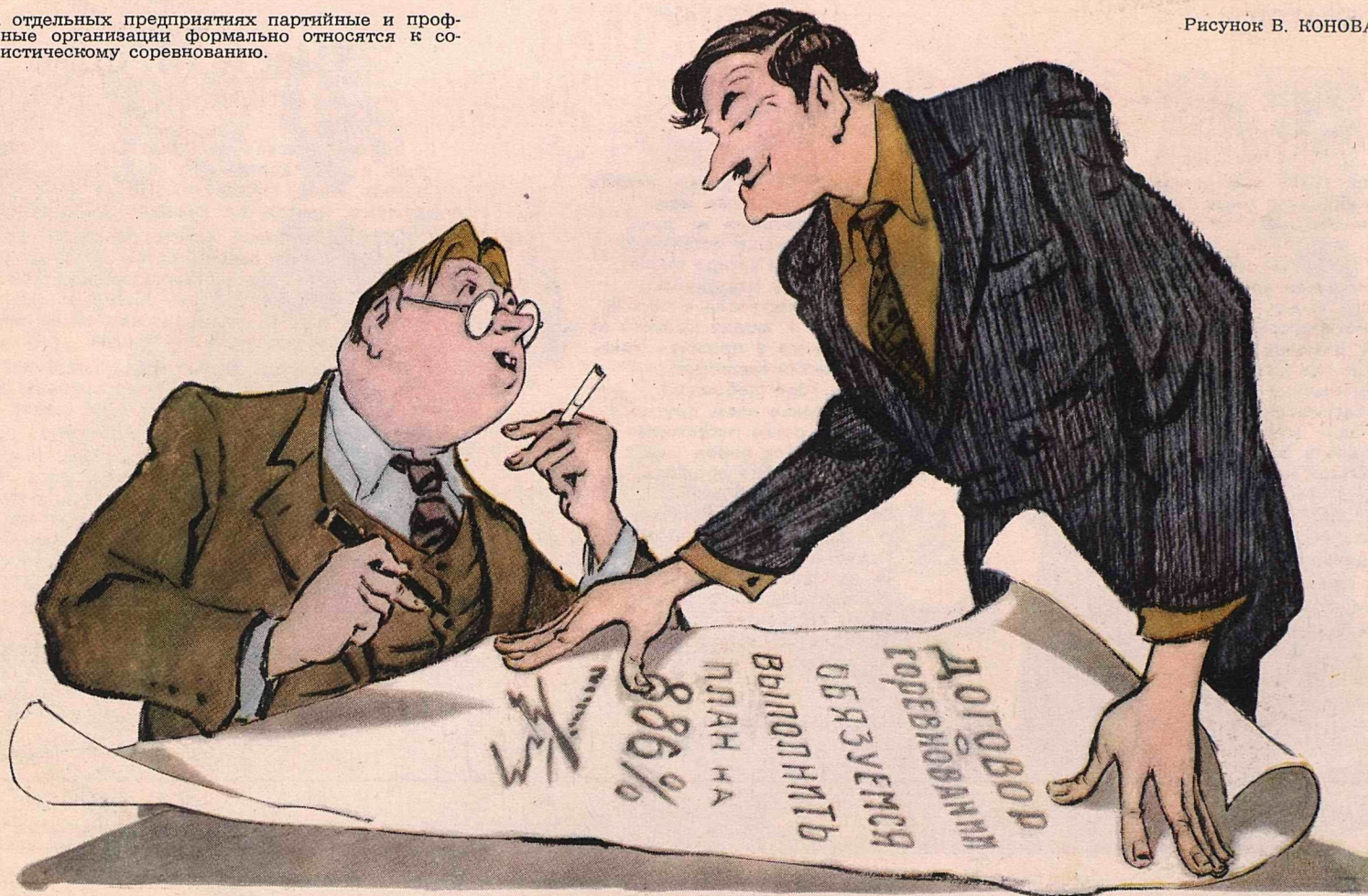
ВРАЧ: — Вы где ногу сломали?
ЧЕРТ: — В листопркатном.

Здесь много изобретательности и всё продумано...

а тут никакой изобретательности и никакой выдумки.

— А что, если мы опять не выполним обязательство?
— Ничего страшного... Дадим новое...

Уважаемый товарищ Крокодил!

Откровенно говоря, мы на тебя в обиде. На исходе первый год работы ГУМа, москвичи и гости столицы сделали уже у нас без малого пятьдесят миллионов покупок, но ты так до сих пор и не побывал! А у нас есть что купить. Как-никак около тридцати тысяч названий, видов и разновидностей.

Тридцать тысяч! Верно ведь, цифра внушительная? Но кое-чего в ГУМе всё-таки мало. Если у тебя есть ребятишки-ползунки и ты надумаешь купить им подходящую обувь — пинетки, — не взъищи: придётся, очевидно, за ними походить... Если бы ты знал, сколько мы за этими пинетками ходим! Из Министерства промышленных товаров — в Главобувь, из Главобуви — на базы Главобувьторга. Потом снова в министерство... И в конечном счёте получаем не больше пятой части потребности. Почти всё одного унылого фасона. И часто одного только мрачного, чёрного цвета. А мамины — ну что ты с ними поделаешь! — хотят, чтобы обувка для малышей была разных красивых фасонов, ярких, весёлых расцветок. Но дядям директорам ленинградских, белорусских, ряда иных обувных фабрик много возиться с таким мелким товаром недосуг...

Московская же фабрика «Парижская Коммуна» «малость» недодала нам к осенне-зимнему сезону ботинок с меховой опушкой для школьниц: обещала на полмиллиона, а сдала всего на три тысячи. Впрочем, дирекция фабрики изъявила полную готовность компенсировать покупателей: если, говорит, хотите запастись на зиму летними белыми и красными дамскими туфлями, — к вашим услугам!..

Одиннадцатая и восемнадцатая фабрики Главшвейпрома шлют ГУМу в октябре дамские шелковые платья из летних набивных тканей. Загорская фабрика, как будто зимы и не предвидится, попрежнему предлагает трикотажные кофточки с короткими рукавами. Директорам Щёлковской и Первой ситцена-

бинной фабрик, видно, просто не с руки бесперебойно поставлять такой дешёвый товар, как фланель... Да и вообще, оказывается, далеко не всем охота «размениваться на мелочи».

Если тебе понадобится, скажем, зубочистка, — прощенья просим: чего нет, того нет. Почему? Может быть, птица совсем перевелась? Или она ходит по какой-нибудь самоневейшей моде без перьев? Или возникли принципиальные возражения против переработки этого малодефицитного сырья?

Нет, ничего такого, насколько нам известно, не случилось. Когда осенью прошлого года мы попросили Министерство промышленности продовольственных товаров поставить к открытию универсама 20 тысяч пачек зубочисток, наше ходатайство было тут же передано Росглавмясу, а оттуда — Московской фабрике перо-пуховых изделий. И фабрика в принципе приняла заказ к исполнению — только с оговоркой, что паковать такой копеечный товар не намерена и сдаст его, как говорится, навалом. И дискуссия по этому вопросу несколько затянулась... Когда же достигнуто было наконец соглашение о выпуске означенного предмета санитарии и гигиены в целлофановой упаковке, нам заявили, что принцип, конечно, остаётся неизменным, но в ближайшие планы фабрики изготовление зубочисток не входит «из-за отсутствия сырья». Точнее сказать, по неохоте возиться с такой «мелочью».

Каждый день покупатели требуют у нас самых обыкновенных булавок с головкой, а мы можем предложить лишь копии переписки по этому поводу с начальником управления местной промышленности Мосгорисполкома тов. Ивановым. Дамские шпильки-«невидимки» мы, с позволения сказать, импортируем из Ленинграда, а Мосгорметизпромсоюз и его артель «Металлогалантерея» делают вид, будто это их не касается. Артель «Заря» того же

Мосгорметизпромсоюза отвечает на требования поставить ГУМу по разнарядке цепочки-вешалки для пальто каждый раз по-разному, но в общем смысл всех ответов один: и чего, дескать, вы ко мне с таким пустяком прицепились?..

А про новейшую историю дверной цепочки ты ничего не слыхал? Вещичка эта, сам знаешь, невелика, и вся цена ей — десятка, зато какая развернулась переписка! Ещё в январе мы обратились в Роспромсовет с просьбой наладить производство этой цепочки. Из Роспромсовета дело поступило в Мособлпромсовет, затем в Облметаллпромсоюз, потом к председателю Никольской артели тов. Щербаковой. Через каких-нибудь пять месяцев, в конце августа, нас обрадовали первой партией цепочек — и всё было, на первый взгляд, чин по чину: кольца, прикрепительные планки, отверстия для шурупов. Не хватало только сущей мелочи: самих шурупов. И вновь завязалась тяжба. Сперва нам разъяснили, что требование о поставке шурупов «не обосновано». Потом согласились, что оно полностью предусмотрено ГОСТом. Но на существе дела это пока не отразилось: шурупов до сих пор нет, и в продажу дверные цепочки не поступили.

Спроси у любой домашней хозяйки, и она скажет тебе, как трудно обойтись в хозяйстве без досок для разделки теста, рыбы и мяса, без деревянного мясоотбойного молотка, без такой «ответственной детали» половой щётки, как палка. А попробуй договорись о поставке этих досок и палок с Министерством местной и топливной промышленности или хотя бы с Бронницкой артелью Мособлмебпромсоюза. Это посложнее, чем выговорить столь мудрёное название...

Вот мы и просим тебя, дорогой Крокодил, походатайствуй перед названными выше лицами и организациями: не признают ли они возможным снизить до так называемых бытовых мелочей? Право же, это не нанесёт урона их доброму имени.

Коммерческий директор ГУМа
Н. СТРОГОВ.

Случай в ВАГОНЕ

Шесть и одна

Пассажиров электрички
Разглядев по мере сил,
Пьяный парень по привычке
Всё, что помнил, огласил.
Не смущаясь обстановки,
Свой запал вложил в уста,
Сразу выдал всем путёвки
В «некурортные» места...
Уши девушка заткнула
И отнюдь не без причин
Вопрошающе взглянула
На заступников-мужчин.
Но один заступник хлипкий,
Выждав в брани интервал,
Произнёс не без улыбки:
— Кто ж из нас не выпивал?..
Поглядев на парня тучей,
Молодой интеллигент
Расценил подобный случай
Как «постыдный инцидент».
Пробубнил здоровый малый:
— Я бы всыпал за хамёж,
Да в свидетели, пожалуй,
Через это попадёшь...
Человек в очках тяжёлых
И того не произнёс,

Он в статью о новых школах
Закопал поглубже нос.
Критик, ехавший на дачу,
Мыслил тоньше остальных:
«Вот по ком сатира плачет,
Жалко, нету Щедриных».
Парень властвовал в вагоне,
Встретив в людях кроткий нрав,
И резвился в прежнем тоне,
Все свистки переорав.
Да на горе дебошира,
В назиданье всем другим
Дядя в ранге пассажира
Точно вырос перед ним.
Он придал без промедленья
Делу новый оборот —
Сделал резкое движение
И захлопнул парню рот.
Сгрёб его не без сноровки
И, не слушая угроз,
На ближайшей остановке
Двум сержантам преподнёс.
И вагон, как виноватый,
На мгновение затих...

Способ, правда, грубоватый,
Но зато верней других!

Бедная дамская косынка! Она так стремилась к покупателю! Она уже видела себя на плечах юной смуглянки! Но её наивным радужным мечтам не суждено было сбыться...

Образец косынки блистал свежими красками, когда поставила свою утверждающую подпись директор производственного комбината ВТО тов. Самборская. Косынка было рванулась к магазинному прилавку, но её поспешно схватили за шёлковый уголок:

— Стоп! Куда торопитесь, уважаемая! Без визы заведующего производственными предприятиями ВТО Логвинова — ни с места!

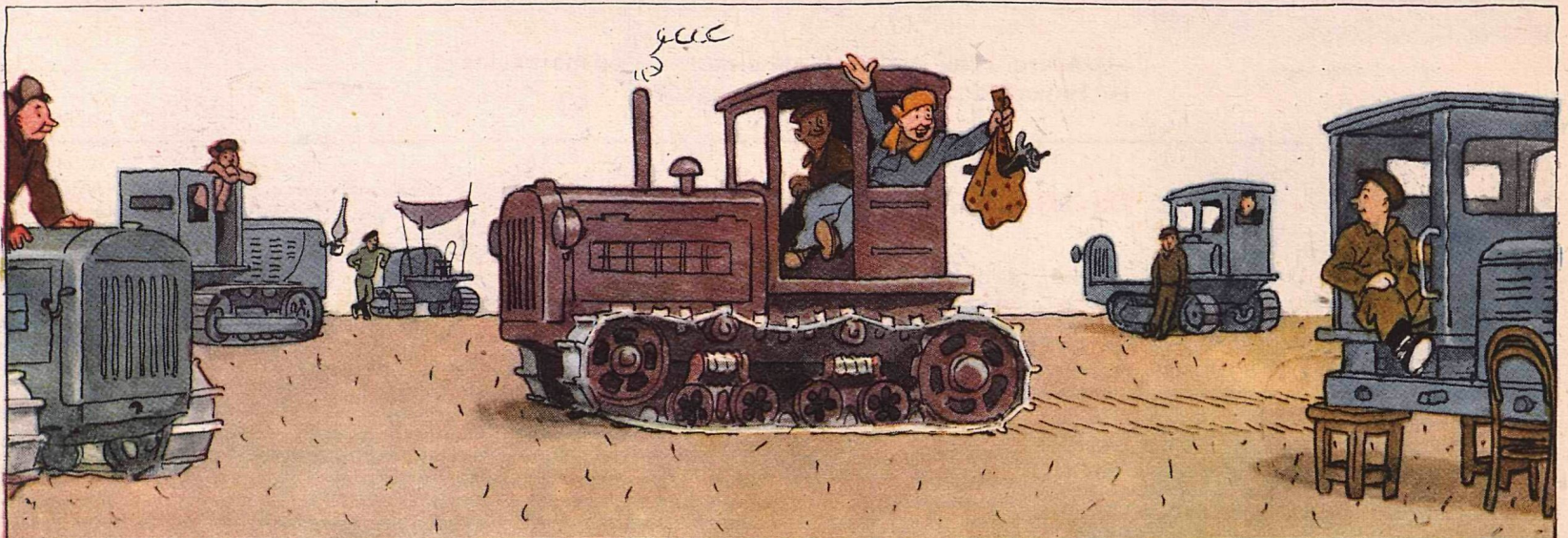
С этого момента образец стал бесповоротно удаляться от покупателей. Судьбой незаметной косынки заинтересовалось такое заметное учреждение, как управление культуры Мосгорисполкома. Не обошлось без вмешательства бюро цен Мосгорисполкома. Председатель подкомиссии Горторготдела тоже счёл долгом просмотреть образец.

Дело оказалось настолько важным, что разрешение на выпуск смог дать только лично заместитель председателя Мосгорисполкома.

А тем временем пошли холодные дожди. Люди раскупали зонты и осенние капюшоны. И пёстрая косынка уже не радовала никого.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Машинно-тракторные станции испытывают недостаток в запасных частях к сельхозмашинам.

— Ребята, ура! Привёз запчасти! Разбирай!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— А что, бабушка; помогают твои лекарства?
— Ещё как помогают... Только этим и живу.

С М Е Т А

В этот день распорядок, установившийся в тресте «Стройдеталь», был нарушен. Управляющий не принял даже начальника планово-производственного отдела, явившегося по обыкновению с самого утра. Прислушавшись к раскатам начальственного баса, доносившимся из-за обитой коричневой клеёнкой двери, секретарь Людмила Петровна объявила:

— Приказал никого не пускать. С самого утра закрылся с главным бухгалтером.

Наконец дверь отворилась, и бухгалтер вышел, на ходу завязывая тесёмки картонной папки. Тотчас же раздался резкий, требовательный звонок.

— Черняк! — скомандовал управляющий Сохань.

Людмила Петровна бросилась искать завхоза.

— Вот что, — сказал управляющий трестом, когда завхоз явился. — Нужно освоить сто тысяч.

— Можно, — кратко ответил Черняк.

Завхоз был очень сообразительный человек. Он всё понимал с полуслова. Но на этот раз Сохань всё же счёл нужным разъяснить обстановку.

— Год, понимаешь, заканчивается, а по смете остаются деньги. Поздно, конечно, хватились. — Андрей Степанович с сожалением посмотрел на календарь и вздохнул: — Сто тысяч рублей... Что можно сделать, ты как думаешь?

— Ремонт, — ответил сообразительный Черняк.

— Ремонт? Ремонт не пойдёт. — Сохань оглядел кабинет и решительно покачал головой. Он очень не любил, когда ремонт затевался в его присутствии. — Нет, нет!

— Новая мебель для кабинета? — предложил Черняк.

— Что ж, это мысль, — снисходительно одобрил управляющий. — Можно пару ковров. Картину. Что-нибудь этакое, строительное. В общем не хочу стеснять твоей инициативы. Действуй...

Задача, поставленная перед Черняком, была нелёгкой. В эти дни не он один метался по городу, выискивая возможность истратить оставшиеся по смете деньги и соблюсти все необходимые формальности.

Набегавшись за день, Черняк пришёл вечером в трест совершенно измученный.

— Трудно, небось? — участливо спросила уборщица, наливая в стакан крепкого чаю.

— Трудно, Никифоровна, — вздохнул завхоз. — Если б чуть раньше...

— А что раньше? — сурово откликнулась она: — Небось, пять рублей на метлу — и те месяц просишь. Режим экономии, говорят. А теперь ста тысяч не жалко.

— Да ведь пропадают деньги, Никифоровна, — устало проговорил Черняк, отхлёбывая чай.

— Зачем же им пропадать? Если уж пропадают твои тыщи, купи, бога ради, веников с десятка. На год хватит. А то просто нечем уборку делать.

Тряпку — и ту из дому приношу.

На другой день Черняк с новой энергией забегал по городу. Два раза в день — утром и вечером — он делал управляющему подробный доклад:

— Нашёл чудный кабинет. Полированный орех. Новейший стиль.

— Бери, — сказал управляющий. — Тысяч десять?

— Двадцать пять! — радостно сообщил Черняк. — Кабинет прямо министерский!

— Двадцать пять так двадцать пять. Бери. Действуй!

И неутомимый Черняк действовал. Правда, пришлось всё же пойти на небольшой ремонт, хоть это было и очень неприятно товарищу Соханю.

Скрепя сердце Сохань подписал документ о перечислении тридцати тысяч рублей на счёт районной ремонтно-строительной конторы. Правда, ремонт начнут только в январе или феврале, но деньги нужно перечислить сейчас.

Через неделю завхоз рапортовал о выполнении возложенной на него боевой задачи. Он успел съездить в район и привёз два чудных ковра (в сельпо дают счёта), через местком перечислил деньги на телевизор, а в комиссионном магазине купил чучело степного орла, люстру, картину «Охотники на привале» и удивительный письменный прибор с взметнувшимися на дыбы бронзовыми конями.

— Большой театр, — коротко заметил Борис Семёнович, выставив на стол это монументальное сооружение.

Анна Никифоровна, убиравшая обрывки шпагата и обёрточную бумагу, как обычно, ворчала:

— Совсем истёрлась метла, и не подметёшь, как надо. Слышь, Борис Семёныч, ты же обещал веники купить.

— Веники? — завхоз посмотрел на неё с недоумением. — Придётся, Никифоровна, подождать. Вот утвердят новую смету, тогда пожалуйста. А сейчас извини: не хватило.

Я. ЖУКОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Я долго размышлял, надо ли печатать этот фельетон. В моих ушах слышались возражения: «Старая тема! И в прошлом году об этом писали, и в позапрошлом...»

Я уже было отложил фельетон в папку «Не пойдёт». В этот момент ко мне подошёл заведующий хозяйством моей редакции и таинственно шепнул:

— Недорасход... Чего бы купить?

Я погрозил ему вилами, а фельетон послал в набор.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

Время шло к вечеру. Служащие городского строительно-монтажного управления разошлись по домам, на отдых. В притихшей конторе задержались лишь сам начальник управления Николай Фёдорович Курилов да представитель областного строительного треста инженер Ступин. Но и они собрались пожать друг другу руки и разойтись, как вдруг Ступин, отмечая у Курилова командировку, хлопнул ладонью по лбу и воскликнул:

— Вот те на! А ещё про одно поручение я и забыл! Весь день помнил, а тут... Слушай, Николай Фёдорович! Управляющий просил обязательно привезти служебную характеристику на твоего заместителя, на Дворникова. Знаешь, что он хочет взять Дворникова к себе в заместители?

— Знаю. Сам порекомендовал.

— Ну, так вот! А облизпоком без твоей характеристики не утверждает его... И как это я мог забыть? А?.. В общем садись, пиши.

— Сейчас накачаем, — ответил Курилов, доставая из кармана большую связку ключей разных форм и размеров. — В два счёта. Дворников — парень с головой, может хоть у министра в заместителях быть... Сейчас!

Курилов взял чистый лист бумаги, изобразил на лице сосредоточенность, но в это время из репродуктора донёсся мелодичный перезвон, от которого всегда начинают трепетать сердца болельщиков-надомников.

— Второй тайм начинается, — заметил он, включая репродуктор на полную мощность. — Интересно, чем закончилась первая половина? Давай послушаем!

В течение сорока пяти минут Курилов то и дело вскакивал с места, размахивал руками, хватался за голову и кричал:

— Ах, мазили! Нешто так играют! Сапожники!

К концу игры на листе, предназначенном для характеристики, красовалось: 3:0.

— Лучшего от «Строителя» и ждать было нечего, — сказал Курилов, кивая в сторону умолкнувшего репродуктора. — Мазила на мазиле сидит. По моему мнению, всю команду, всех игроков до единого надо гнать в три шеи. И в первую очередь тренера Костю Сухалина. Это не тренер, а слон в трусиках. Неповоротливый, мешковатый. Ему не тренером быть, а сидеть на базаре да прохожим ботинки чистить. Больше он ни на что не способен. Да ещё вдобавок пристрастился к изделиям «Главликёрводки». И не просто пьёт, как пьют все прочие, а по-лошадиному хлещет!

— Ты, что ж, Николай Фёдорович, лично знаком с ним, что ли? — осведомился Ступин.

— Какое там лично! — махнул рукой Курилов. — Никогда в глаза не видал. И даже не знаю, какой он из себя — рыжий или белобрый. А вместе с тем я изучил всю его подноготную. До самых мельчайших подробностей. Знаю, что его отец — порядочный человек, инженер, а дед по матери имел бакалейную лавку... Вы, Яков Савельевич, улыбаетесь, может, не верите?

— Верю, верю, — кивнул Ступин. — Ведь я сам болельщик, интересуюсь футболистами. Но уж никак не думал, что тренер «Строителя» — слон в трусиках!

— И не только тренер! — горячился Курилов, совсем забыв про характеристику. — А вратарь Сашка нешто лучше? Такой же! До женитьбы он был ещё парень как парень: шустрый, весёлый, главное, ни одного мяча не пропускал, все брал. А как в прошлом году женился на баскетболистке Леночке Шурыгиной, ну, ничего похожего не осталось! Вместо того, чтоб за мячом следить, он всё время пялит глаза на трибуны, где сидит его ненаглядная Леночка.

— Значит, уж очень любит её, — сказал Ступин.

— Ха! Любит! — Курилов с досадой хлопнул ладонью по собственному колену. — Тоже нашёл место для любовных изъяснений! Ты люби на доброе здоровье, пожалуйста, увлекайся, но дело не забывай! Увлекайся без ущерба для дела! Люби, но в меру! А то до чего доходит: он своей Леночке начнёт глазки строить, а в это время — бах! И счёт увеличивается!

— Что ж у них, капитана нет, что ли? — спросил Ступин.

— Ну, как нет! Есть! Капитаном у них Никита Иванович Ильин-Пророков.

— Странная фамилия, — заметил приезжий. — Я никогда не слышал такой чудной фамилии.

— Это не фамилия, а что-то вроде клички или псевдонима. Знаешь, как это бывает у артистов, у писателей? Ну вот, и Никита Иванович тоже для форса фамилию предков сменил. А его настоящая, или, как принято говорить, девичья, фамилия — Сидоров. Никита Иванович Сидоров. Происходит он из старой спортивной семьи Сидоровых. И ты знаешь, как-то в прошлом году, во время игры с «Трактором», этот самый Никита Иванович Ильин-Пророков-Сидоров...

— Николай Фёдорович! — спохватился Ступин, бросая взгляд на часы. — Пиши характеристику. А то я на поезд опоздаю!

— Сейчас, сейчас! Начинаю! Через десять минут будет готова. Это же не какой-нибудь Ильин-Пророков-Сидоров, а собственный заместитель. Через десять минут пойдём пиво пить. Так сказать, дадим друг другу прощальный обед...

— Я тем временем побуду на улице, свежим воздухом подышу, — сказал Ступин, направляясь к выходу.

— Да, да, я быстренько освобожусь. Шесть лет работали плечом к плечу. Он у меня весь, как на ладони... Я мигом...

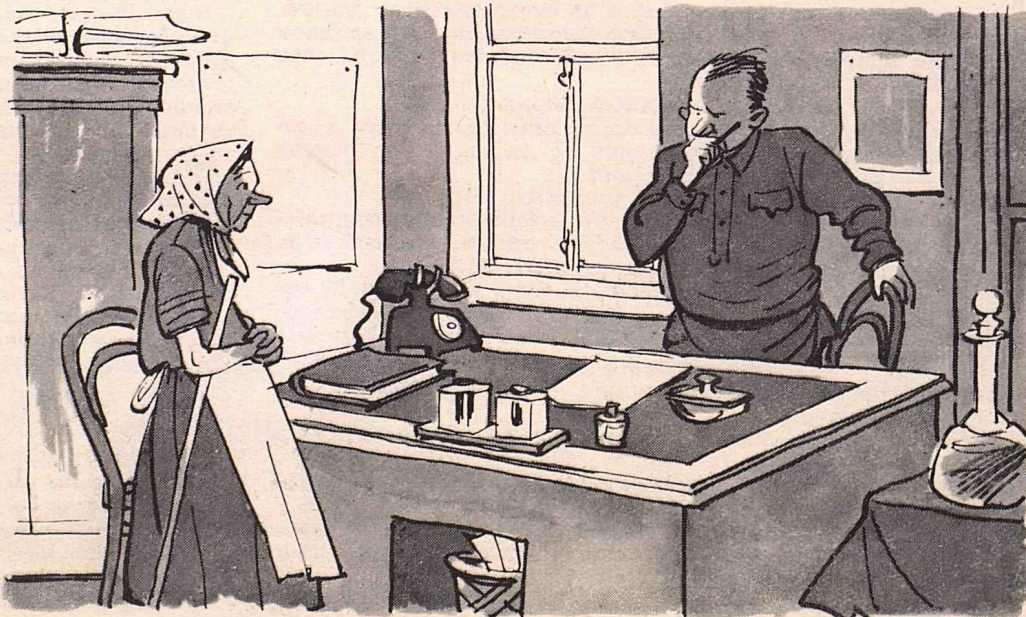
Прежде чем приступить к делу, Николай Фёдорович прошёлся взад-вперёд по комнате, зачем-то пощупал печку, потрогал на окнах шпингалеты и лишь после всего этого снова сел за стол.

«Характеристика на заместителя начальника СМУ-5 тов. Дворникова И. П.», — написал Курилов и, сделав небольшой отступ, продолжал: — За время своего пребывания в СМУ-5 тов. Дворников И. П. показал себя...

— «...Показал себя»... — Курилов вслух повторил последнюю фразу и задумался. — Хм... В развёрнутой характеристике нужно описать всю его общественную физиономию, все его деловые качества. А что ж тут писать?.. Шут его знает, какие они у него, эти самые качества-то!

Курилов вздохнул, потёр виски, почесал шею, но ничего нового к характеристике не добавил.

Так прошли первые десять минут, затем вторые, потом третьи. Два раза наведал его инженер Ступин, но Николай Фёдорович, бросив ему короткое: «Сейчас, ещё пяток минут», — снова обращал свой взгляд к характеристике, где всё так же было написано: «За

— И надолго ты от нас?
— Это зависит от вас...

время своего пребывания в СМУ-5 тов. Дворников И. П. показал себя...»

— Фу, чтоб те загреметь!—ворчал Курилов, нервно похрустывая пальцами.—Кажется, легче написать характеристику на всех игроков московского «Торпедо», чем на собственного заместителя. А ведь я с ним шесть лет проработал, знаю его и... и не знаю!.. Хоть бы поговорить с кем, что ли?

Он приоткрыл дверь в коридор, но там, кроме уборщицы, никого другого не было.

— Тётя Груня, зайдите ко мне на минутку. — И, когда уборщица вошла в кабинет, Курилов спросил:—Тётя Груня... Да, тётя Груня, простите, а как вас зовут полностью, по паспорту?

— Аграфена Арефьевна.

— Так вот что, Аграфена Арефьевна, вы случайно не знаете, где сейчас мой заместитель?

— Иван Павлович? Как не знать! Знаю, — кивнула головой тётя Груня.—Он в райком уехал. Провёл с нами политзанятия и уехал.

— Аграфена... уж очень мудрёное отчество у вас.. Опять забыл.

— Арефьевна.

— Спасибо!.. Так вот... Аграфена Арефьевна... И давно вы у него занимаетесь?

— Три года он нас учит. И учит хорошо, с толком, про всё рассказывает, всё объясняет!

— Так, так... Да что ж вы стоите, Аграфена Ореховна... то есть нет... я хотел сказать... тётя Груня. Садитесь, пожалуйста! — вежливо сказал Курилов, а пока тётя Груня отодвигала стул и садилась, он приписал к характеристике: «...показал себя политически грамотным товарищем. Три года руководит кружком текущей политики».

Курилов облегчённо вздохнул. Об этом качестве своего заместителя он знал и раньше, но ничего примечательного в том не находил.

— Ну, а как народ, рабочие, прорабы—случайно не обижаются на него?—поинтересовался он и в упор посмотрел на тётю Груню.

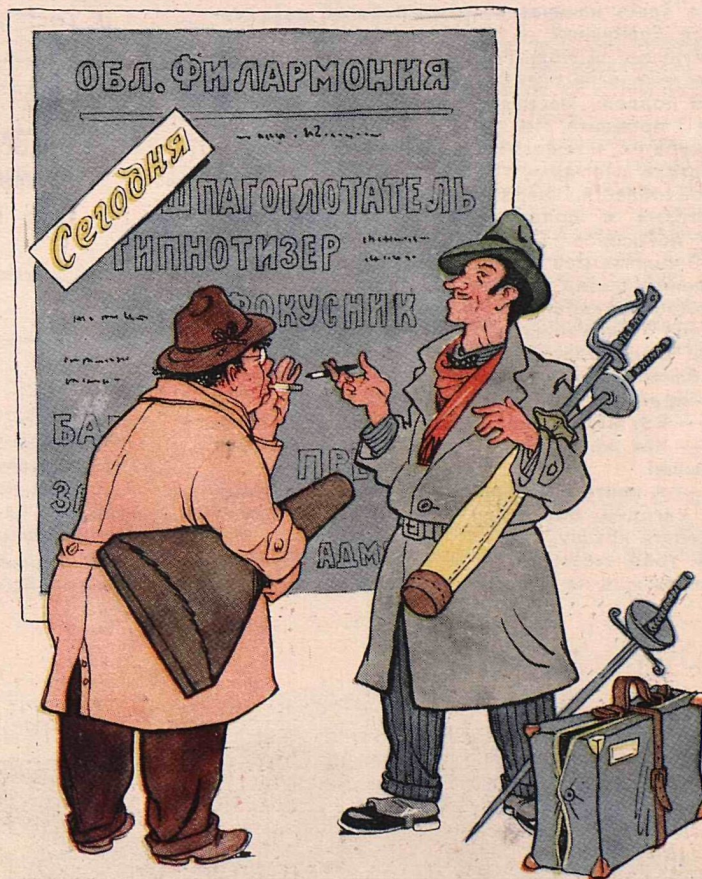
— Что вы, Николай Фёдорович?!—махнула рукой тётя Груня.— Да нечто на него можно обижаться? Дело он знает хорошо, с народом обходительный, во всём разбирается. Все его очень даже любят.

Пока тётя Груня с увлечением рассказывала о Дворникове, Курилов сделал новую запись: «Имеет большой производственный опыт и хорошие руководящие навыки. Среди рабочих и инженерно-технического персонала пользуется заслуженным авторитетом...»

Через полчаса Николай Фёдорович Курилов провожал инженера Ступина на поезд и как ни в чём не бывало рассказывал ему про Никиту Ивановича Ильина-Пророкова-Сидорова.

ОТКРОВЕННОСТЬ

Рисунок И. СЫЧЕВА.

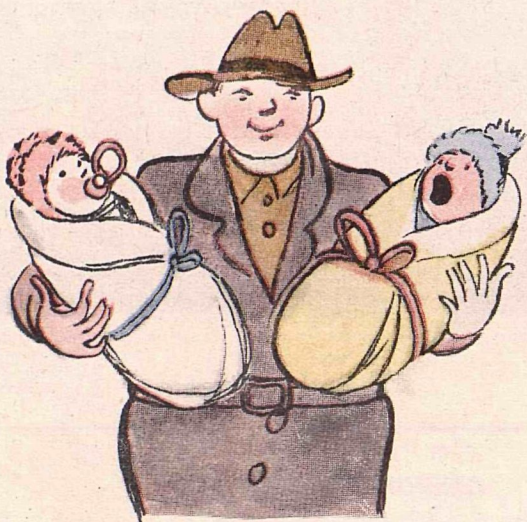
— Где халтурите?
— Как видите!..

В тот час, когда над Москвой ещё стояла глубокая ночь, в двух с половиной тысячах километров к востоку огромный оранжевый диск солнца показался над степным горизонтом. И в нежном утреннем свете предстала преображённой веками дремавшая земля Казахстана.

Заиграла радостными, живительными красками. Словно на гигантской шахматной доске, жёлтые квадраты уже скошенных хлебов перемежались с чёрными квадратами поднятых паров. Юным зелёным пушком покрылись необозримые массивы озимых посевов...

Зарумянились крохотные берёзовые рощицы, позолоченные октябрём, запели петухи, закудахтали куры, загготали гуси. Нарушая идиллическую картину, к общему хору присоединились механические голоса тракторов, комбайнов, мотоциклов, паровых локомотивов, лёгких зерноёмов и тяжёлых грузовиков.

Солнце поднималось из-за горизонта всё выше, словно желая подглядеть, что же происходит на этой беспокойной земле, которую люди назвали коротким словом «целина»...

А здесь начинался новый рабочий день, самый будничный с точки зрения в нём участвующих и полный знаменательных происшествий, если поглядеть со стороны.

В полдень население совхоза увеличилось на 3 процента. По данным переписи, которую аккуратно и ежедневно вела бухгалтерия, в совхозе «Лесном», Урицкого района, Кустанайской области, вчера проживало 600 человек. Сегодня в полдень грузовик привёз ещё 18 новосёлов. Проехав в кузове пятитонки 150 километров по пересохшей степи, они появились перед своими будущими землянками, щедро попудренные дорожной пылью, мечтающие о бане и миске горячего, вкусного супа. Суп был предоставлен им незамедлительно. С баней вышла заминка. Новосёлов привели к прекрасному каменному зданию.

— Вот наша баня. Здесь вы будете мыться.

— Как же мы будем мыться, если баня без крыши?

— А никто не говорит, что вы будете мыться сегодня. Вот когда Токарев соблаговолит сделать крышу...

К трём часам дня население совхоза увеличилось ещё на 0,33 процента. В родильной па-

ПРОИСШЕСТВИЯ

лате местной больницы появились на свет два гражданина, у которых в паспортах будет написано: «Год и место рождения — 1954, совхоз «Лесной». К месту происшествия примчался директор совхоза. На лице у него отражались радость и тревога. Радость — по поводу прибавления в совхозной семье, тревога — из-за печей. Ещё не во всех домах были выложены печи. А новорожденные новосёлы требовали тепла и подкрепляли свои требования таким оглушительным криком, что его не мог унять даже парторг, о котором поговаривали, что он умеет ликвидировать самые острые конфликты. Директор помянул недобрым словом Токарева.

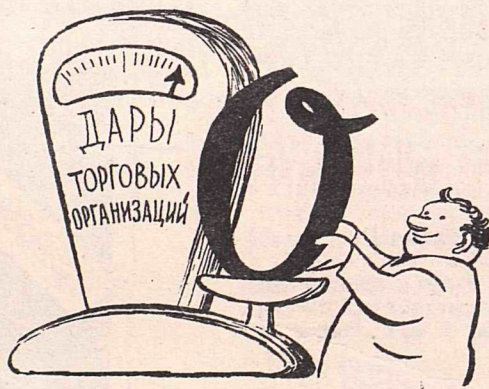
Часом позже к одному из новых домов на центральной улице подъехала грузовая машина, гружённая матрацами, столиками, шкафчиками и прочей домашней утварью. Тракторист Володько справлял новоселье. В новой квартире оказались две комнаты, кухонька, паровое отопление. Правда, Токарев не полностью обеспечил дом штукатуркой, но это уже казалось не столь существенным. Друзья, помогавшие выгружаться, подшучивали:

— Как же теперь тебя, Володько, величать? Поначалу ты был в совхозе новосёлом, потом стал старожилом. А теперь, выходит, опять новосёл...

В это же время специальная комиссия принимала только что выстроенный промтоварный магазин. Выглядел он чрезвычайно нарядно, лахнул масляной краской, смотрел на мир огромными окнами-витринами. Ни одна живая душа не удержалась от того, чтобы заглянуть сюда. Исключение составили работники кустанайских областных торговых организаций. Они не принесли своих даров новорожденному магазину.

Смущённые совхозные продавцы продолжали торговать в старом помещении, когда-то наспех сколоченном из досок.

— В чём дело, товарищи? Магазин готов. Почему вы не переезжаете?

— Совестно! Как появиться за новыми привлаками со старым ассортиментом товаров?

Продовольственный магазин тоже торговал в старом помещении, но не из-за отсутствия товаров: из-за отсутствия нового помещения. Продамговцы честили Токарева...

На строительной площадке подвели под крышу общежитие на 30 мест. Сделано это

было с опозданием месяца на полтора, но строители из Кустаная и Магнитогорска не преминули отрапортовать об очередном успехе. Тогда совхозные жители предложили им поглядеть на другую сторону улицы. Там строилось общежитие ещё более вместительное — на 75 человек. Почему же у строителей испортилось настроение? Здание напротив еле возвышалось над уровнем земли — сантиметров на пятнадцать. Строители почему-то тоже вспомнили Токарева...

Впрочем, всё на свете относительно: пятнадцатисантиметровое общежитие казалось великаном по сравнению с железобетонным зернохранилищем, которое пока существовало только на бумаге.

Токарев обещал, заверял и надувал, а

600 тонн зерна, собранные совхозом с поднятой целины, не умещались в крытых токах, которые не в состоянии были дать приют всему урожаю.

ТОКАРЕВ ЗДЕСЬ, ТОКАРЕВ ТАМ

Н очью были заморозки. Проходя по ещё заиндевевшей земле, секретарь парторганизации совхоза Балакин чертыхнулся. На центральной улице усадьбы среди аккуратных, сияющих новизной домов торчат три палатки. Ну, добро, несли бы они функции чисто исторические. Стояли бы здесь как памятник о том дне, когда несколько человек высадились в голой степи со старенького колхозного «газика» и, воскликнув по известному классическому образцу: «Здесь будет город заложен», — вбили в землю первые колышки.

Нет, эти палатки не памятник! Они стоят здесь как укор, как постоянное напоминание о том, что в природе за осенью всегда следует зима. Тридцать два человека ещё обитают в этих «брезентовых вигвамах». Это всё здоровенные парни и крепкие девушки, закалившиеся под степными ветрами и солнцем. Они поставили в палатках печурки, по вечерам там светятся весёлые огоньки, слышатся звуки гитар и баянов, звонкие голоса. Им будто и горя мало! Но Балакин, проходя мимо, виновато отводит глаза.

— Попался бы мне этот Токарев! — говорит

Я НА ЦЕЛИНЕ

он тоном, не предвещающим Токареву ничего хорошего.

С беспокойством поглядывает Балакин в небо. Оно яркоголубое, без единого пятнышка. Но местные жители утверждают, что степному небу верить нельзя. Характер у него капризный и переменчивый. Очень просто может нахмуриться небо, без всякого предупреждения налетит пурга, поднимет тучи пыли, которые осядут знаменитым «кустанайским дождём», а сверху в это время, в порядке встречного плана, падёт дождь, самый натуральный, промозглый, вперемешку с мокрым снегом, — невесёлый предвестник степных снежных выюг...

— А тут палатки!.. Да ещё два дома стоят без печей! Чтоб этому Токареву...

ИТЕЛЬСТВО
НА 75 ЧЕЛОВЕК.

Что же это за личность такая — Токарев? Почему о нём чуть ли не на каждом шагу вспоминают жители совхоза «Лесного»? И в Урицком совхозе мы слышали о нём что-то нелестное. А в Барвиновском эту фамилию люди прямо слышать не могут спокойно.

Мы решили познакомиться с тов. Токаревым лично.

ЛИЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Совхозный вездеход «ГАЗ-69» доставил нас в Кустанай, где находилась резиденция человека, чья известность распространилась так далеко. Здесь о нём говорили уклончиво:

— Может быть, работник он и не плохой, но только работать

ему некогда.

— Чем же он так занят?

— А вы с ним познакомьтесь, сами догадаетесь...

На окраине города расположилось учреждение под названием Кустанайстрой. Вывеска не обещала вокальных услуг, однако из-за стен явственно доносилось фальшивое пение.

В тёмном, узком коридоре нас встретила личность, передвигающаяся зигзагообразно, от стены к стене, как обычно ходят матросы на кораблях во время шторма.

По всем видимостям, здание стояло на фундаменте прочно. Штормовая походка незнакомца казалась здесь несколько неуместной.

Узнав, что нам нужен Токарев, личность расплылась в дружелюбной улыбке и, продолжая держаться за стены, повела нас в кабинет с табличкой: «Начальник Кустанайстроя». Распахнув двери кабинета, наш провожатый непринуждённо икнул, из чего нам стало понятно, что он с начальством на короткой ноге.

— Борис Иванович! — воскликнул он. — Тут к вам какие-то...

Мы остались с глазу на глаз с тем самым Токаревым, от которого зависело благополучие молодых энтузиастов, приезжающих на освоение целинных земель в Кустанайскую область.

Да прости нас Борис Иванович, если мы предадим гласности некоторые подробности нашего свидания.

Перед нами сидел человек с отёчными мешками под глазами, с обвислыми щеками, покрытыми склеротическим румянцем. Глаза его отливали бутылочным блеском. Он заговорил с нами голосом до такой степени сиплым, что его можно было назвать простуженным только из желания скрыть правду.

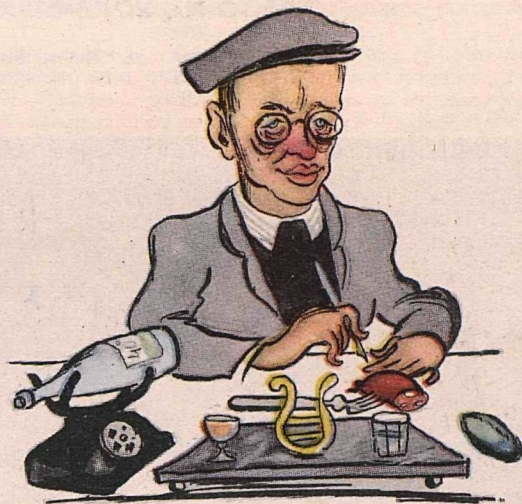
Заунынным тоном он с ходу начал оправдываться:

— Да, строительство в совхозах идёт из рук вон плохо! Да, действительно, зима на носу, а люди живут ещё в палатках. Но что поделать! Нет пиломатериалов, нет столярки, нет асбофанеры для кровли. Кустанайстрой — всего лишь подчинённый Магнитостроя. И стройматериалы он должен получать из Магнитогорска. Но доставка задерживается. Начальник Южно-Уральской дороги не даёт вагонов. А совхозы тоже хороши! Не желая дожидаться, пока будет закончено плановое строительство, обратили фонды на строительство индивидуальное. Однако мы не покладая рук создаём все предпосылки к преодолению отставания и обеспечению роста темпов, чтобы до наступления холодов в основном строительство закончить...

Мы не стали спрашивать у тов. Токарева, что означает «закончить строительство в основном». Мы видели это воочию в совхозах Урицком, «Лесном» и Барвиновском.

Дом, «законченный в основном», — это такой, о котором рапортууют в отчётах, но которым нельзя пользоваться. Это бани без крыш, дома без печей, столовые без оконных рам.

Мы задали начальнику Кустанайстроя вопрос:

— А бываете ли вы в совхозах? Видели ли своими глазами, что такое работа, «законченная в основном»?

Пряча глаза, наш собеседник развёл руками:

— Всюду не поспеешь. Я один — совхозов много. Всё охватить невозможно!

Тут нам вспомнились уже слышанные раньше слова: «Может быть, работник он и не плохой, но только работать ему некогда».

Чем же так занят тов. Токарев? Нам предлагали самим догадаться. Кажется, мы догадались... В комнате пахло спиртным, и это свидетельствовало о том, что начальник не многим отличался от своего подчинённого, столь радушно встретившего нас в коридоре. На протяжении всей нашей беседы, пропитой голос за стеной кабинета распевал: «А ты, моя хорошая, забыла про меня»... Начальник Кустанайстроя не обращал на это никакого внимания. Повидимому, это была для него привычная рабочая обстановка. Нам даже показалось, что он борется с мучительным желанием подтянуть...

— Как же вы терпите на таком ответственном посту человека столь «занятого», что ему некогда работать? — спросили мы у ответственных областных работников.

— Не мы его терпим, его терпит Магнитострой. Мы бы рады с ним расстаться, да Магнитострой нам не подчиняется. Мы — в Казахстане, Магнитогорск — в РСФСР.

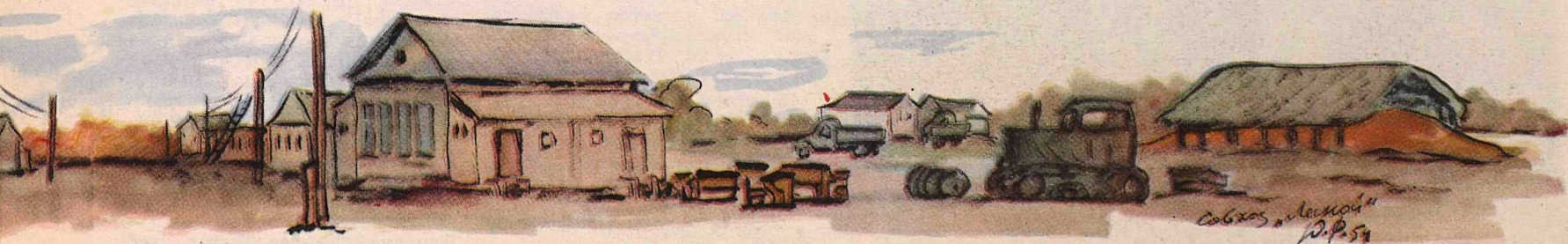
При этих словах перед нашими глазами встали брезентовые палатки, нарушающие архитектурный ансамбль главной улицы в совхозе «Лесном», и парторг Балакин, с тревогой поглядывающий в небо, и железобетонное зернохранилище, которого пока нет; и нам представилось, что существование людей, работающих «в основном», должно беспокоить не только тех, кто живёт непосредственно на целинных землях, но и пребывающих в хорошо устроенных городах, вне зависимости от того, находятся ли они в Казахстане или в Российской Федерации...

Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Зарисовки Ю. ФЕДОРОВА.

Специальные корреспонденты Крокодила.

Кустанайская область.

ГДЕ-ТО НА УОЛЛ-СТРИТЕ

Несмотря на неблагоприятные климатические условия этого года, крестьяне Китая собирают богатый урожай.

Рисунок Борнса ЛЕО.

КТО ПОБЕДИЛ?

Читатель, конечно, помнит, что не успели ещё организаторы «европейского оборонительного сообщества» как следует отпеть своё скоростно скончавшееся детище, а уже в Западной Европе началась новая дипломатическая свистопляска. Видные западноевропейские и американские официальные представители гонялись друг за другом из одной столицы в другую. Встреча следовала за встречей, переговоры за переговорами, коммюнике за коммюнике.

«Дипломатия со скоростью пятидесяти километров в час», — смеялись по этому поводу французы.

Эти скоростные дипломатические гонки с препятствиями закончились совещанием видных государственных деятелей западных держав в Лондоне, перенесённым затем в Париж. Как отмечала французская демократическая печать, новое соглашение о вооружении западногерманских реваншистов было подписано в результате грубого американского давления,

наглости представителей Бонна, щедрости лондонских дипломатов на обещания и уступчивости французской делегации.

Однако, справедливо опасаясь, что судьба свежеспечённого плана возрождения вермахта может оказаться не более счастливой, чем судьба его мертворождённого предшественника, международные реакционные круги отдали такой приказ своим журнально-газетным подразделениям:

— На «Нью-Йорк таймс» р-равняйся! Чернил не жалеть! Любыми доступными средствами убедить Западную Европу согласиться с парижскими соглашениями!

И многие буржуазные органы печати стремглаз бросились выполнять этот приказ.

«Совещание было настолько успешным, насколько это было возможным, — восторгалась английская газета «Дейли миррор». — На нём были выработаны идеальные условия перевооружения Западной Германии, дающие гарантии против возможной агрессии с её стороны».

«Французы ликуют. Немцы довольны. Радуются даже англичане», — подводила итоги «Дейли экспресс».

Что же касается американской «большой» прессы, то она уж, конечно, чувствовала себя на седьмом небе.

В общем, если верить хвастливым откликам буржуазной печати на решения, принятые в Лондоне и Париже, можно подумать, что они являются одновременно

победой американской дипломатии,

дипломатическим триумфом Англии,

крупнейшим успехом французской внешней политики и великим достижением боннских правителей.

Словом, все победители, и никто не побеждён. Редкий случай, не правда ли?

Итак, уверяют, что каждый участник совещания добился своей цели. А в то же время...

«Чтобы оценить эти соглашения, надо посмотреть на них с разных точек зрения», — советует французская газета «Монд».

Что ж, последуем этому совету.

Вот как оценивает итоги совещания швейцарская газета «Националь цейтунг»:

«Несмотря на достигнутые соглашения, оно закончилось не в том духе энтузиазма, который ожидался...»

«Министры, — в свою очередь, уточняет голландская газета «Де тайд», — поспешно разъехались по домам, и никто не знает, что могут натворить некоторые из них на следующий же день... Совещание закончилось в такой же атмосфере большого недоверия, в какой оно началось».

«Подписание парижских соглашений, — мрачно констатирует «Нью-Йорк геральд трибюн», — не вызвало волны энтузиазма у населения Западной Германии».

И вообще «не следует впадать в излишний энтузиазм и иллюзии», — резюмирует бельгийская газета «Сите».

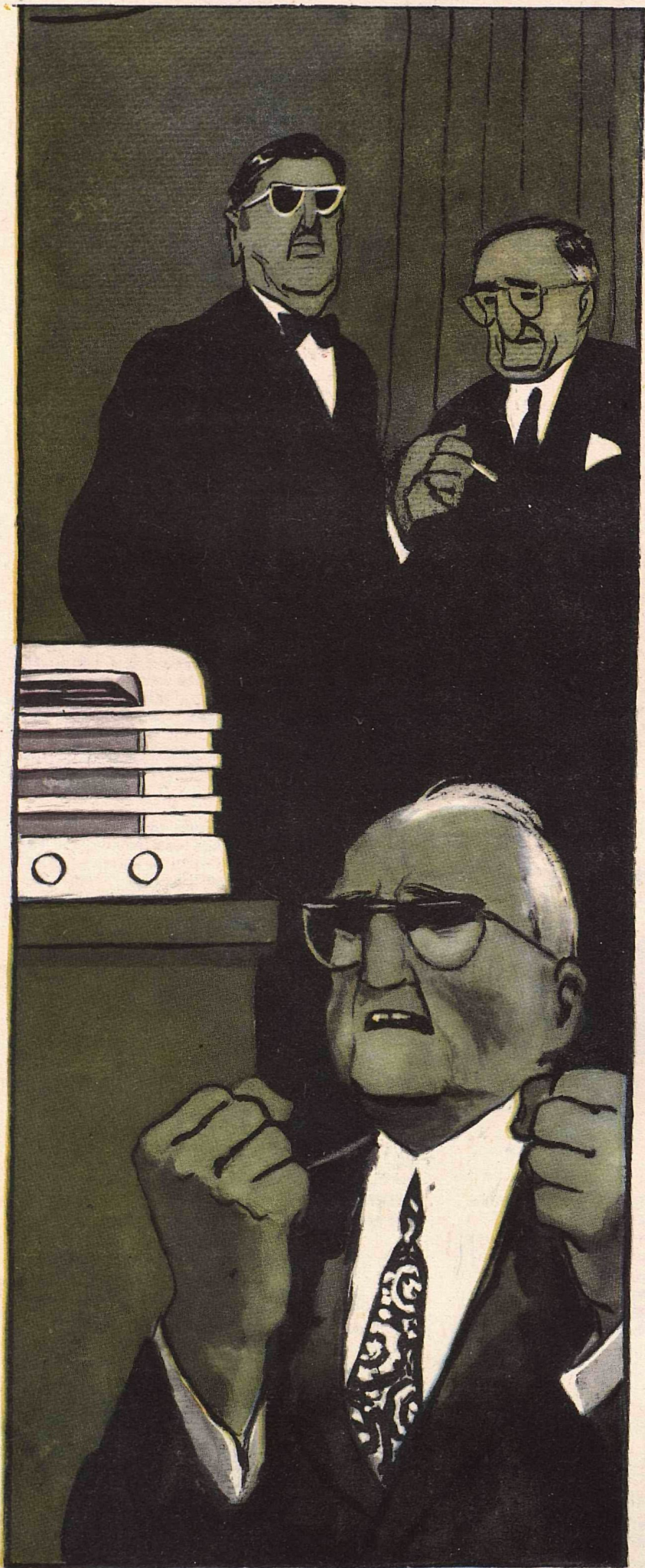
Японская газета «Иомиури» иронически отмечает, что хотя соглашения «хорошо читаются, но, по всей вероятности, останутся простым клочком бумаги».

Впрочем... «Если соглашения будут осуществлены, — пишет финская газета «Мааканса», — то уже теперь можно сказать, что за них заплачена слишком высокая цена».

И в самом деле.

Западная Германия должна уплатить не только Саарской области, возможностью мирного воссоединения страны и расходами на содержание оккупационных войск. По расчётам дюссельдорфской газеты «Хандельсблатт», из западногерманских налогоплательщиков только в течение ближайших трёх лет на возрождение фашистской армии должно быть вытнуто сто миллиардов марок. Это значит, что каждая семья должна ежемесячно выплачивать около трёхсот марок, в то время как среднемесячная заработная плата западногерманского рабочего — тоже около трёхсот марок. Без заокеанской помощи не обойтись, здраво заключает «Хандельсблатт».

Англии тоже нечему радоваться. Она, как известно, пообещала взять на себя роль «регулятора равновесия сил» в Западной Европе. Четыре ан-

— Бедный шеф! Что его так расстроило?
— Богатый урожай в Китае.

лийские дивизии останутся на континенте, чтобы «гарантировать» Франции, что новый вермахт будет пайнкой. Содержание этих дивизий будет стоить англичанам ежегодно около ста тысяч фунтов стерлингов. «Но это — лишь начало», — предупреждает та же «Дейли экспресс».

И уж совсем не веселы дела у Франции. Её положение никак не напоминает положение победителя.

Французские дипломаты дали согласие на восстановление вермахта, германского генерального штаба и военно-промышленного потенциала Рура — этих извечных врагов Франции.

В обмен же они не получили, по существу, ничего, кроме обещаний. Западногерманские волки пообещали Франции быть овечками; английские представители пообещали ей, по их же словам, «символиче-

ский вклад» в виде четырёх дивизий; американцы пообещали ей, что всё будет по-хорошему.

«Французский парламент может считать, — трезво умоляет парижская газета «Монд», — что эти решения являются удовлетворительными не в большей степени, чем те, которые он недавно отклонил».

Как видим, в Лондоне и Париже не победил никто, хоть и трубят о своей «победе» боннские реваншисты, их заокеанские сообщники и покровители.

Осторожный комментатор голландской газеты «Ниве роттердамше курант» так сформулировал смысл подписанных соглашений:

«Если контроль будет хорошо функционировать и если Аденаур и его преемники будут придерживаться текста соглашения, возрождённая германская армия **необязательно** должна быть идентичной с воз-

рождённым германским милитаризмом».

Да-с! Хороши гарантии, уверения, заверения, обещания и клятвы, основанные на сплошных «если» и «необязательно»!

Короче говоря, перед Западной Европой снова во весь рост встали те же проблемы, которые волновали её и до бесславной кончины «европейского оборонительного сообщества». Сквозь туман иллюзорных «гарантий» явственно проглядывает всё та же фигура эсэсовца, вооружённая до зубов Крупными и Морганями.

Ко всему этому хотелось бы добавить ещё несколько слов.

Официальная западная пропаганда кричит о парижских решениях как о договорах между странами, между народами. В действительности речь идёт о кабинетномговоре правящих кругов этих стран. Подобные документы лишь регистрируют упорное нежелание или неумение их авторов трез-

во оценить подлинное соотношение сил в мире.

«Между согласием участников совещания на перевооружение Германии и согласием народов Европы — непроходимая пропасть», — пишет английская газета «Дейли уоркер».

Буржуазная печать пытается дымовой завесой пышных фраз о «солидарности Запада» прикрыть и всё разрастающийся клубок противоречий, в котором запутывается «единая западная политика», и подлинную солидарность народов, твёрдо решивших отстоять мир.

Человечеству хорошо известно, что германский милитаризм всегда прикрывал свои истинные цели фальшивыми лозунгами. Народы не забыли, что Гитлер тоже готовил свой поход за завоевание «жизненного пространства» под маркой «обороны» и «сохранения мира». Народы не забыли, чем это кончилось.

ИСТЫЕ БИЗНЕСМЕНЫ

Изворотливые бизнесмены должны обладать не только гибкостью ума, но и способностью к быстрым действиям. В сложных обстоятельствах настоящим бизнесменам тем более не следует терять голову. Лишь тогда они смогут успешно осуществить небезызвестный принцип: «Нет худа без добра».

Американская служба информации в Австрии объявила, что с середины октября издаваемая ею газета «Винер курир» будет выходить не каждый день, а только раз в неделю. Ничего хорошего для американской пропаганды в этом сокращении, конечно, нет. Однако, не растерявшись, бизнесмены от оккупации тотчас же объявили, что перевод «Винер курир» в категорию еженедельных газет «является дальнейшим шагом США на пути создания таких отношений между Австрией и Соединёнными Штатами, какие существуют между свободными и независимыми государствами».

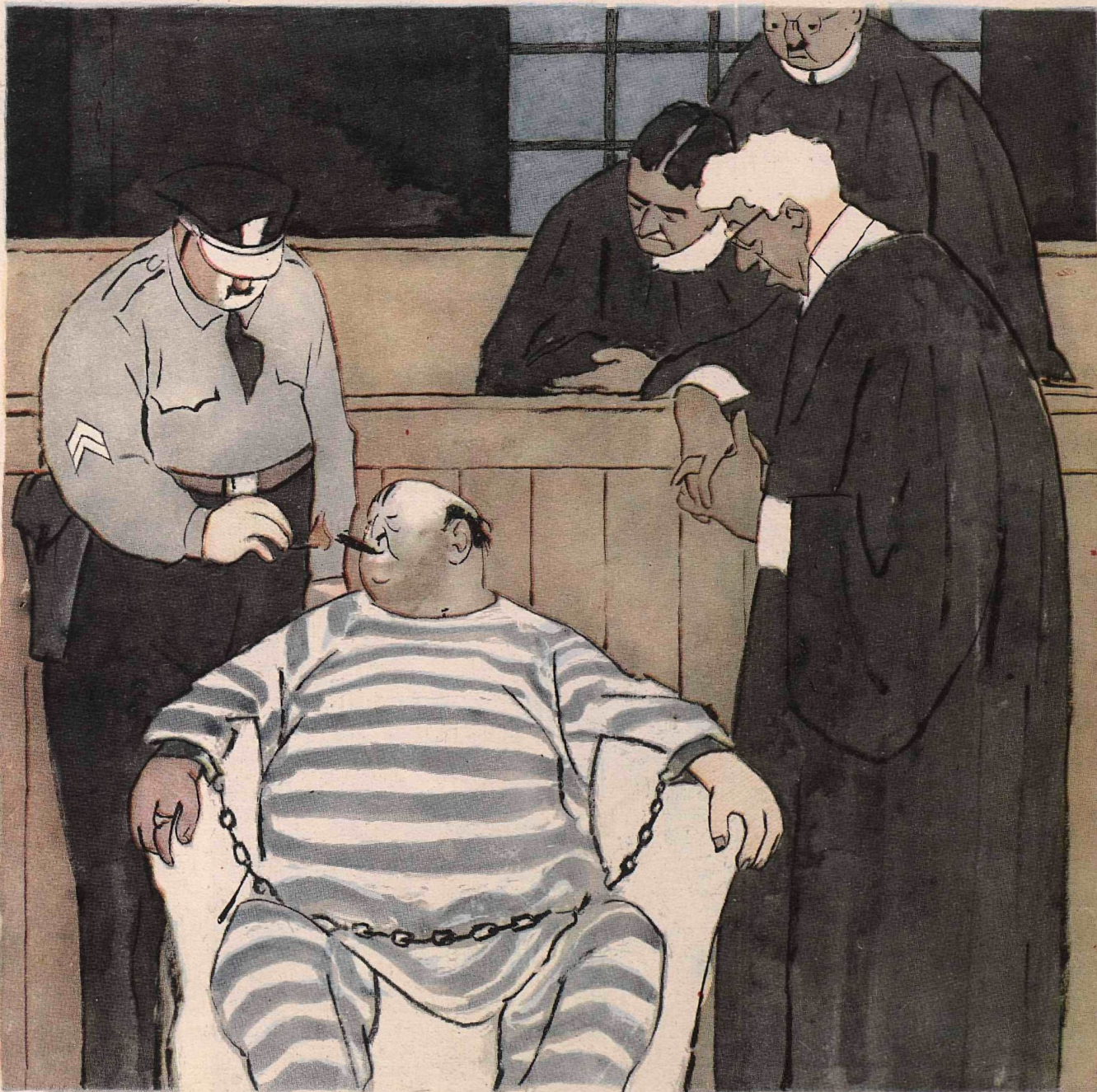
Логически рассуждая, можно прийти к выводу, что следующим шагом «на пути создания таких отношений...» будет полное изъятие «Винер курир» из австрийского обихода.

Густой словесный туман по поводу превращения американской газетки из ежедневного органа в еженедельник развеяла австрийская газета «Эстеррейхше фолькштимме». Оказывается, в течение последнего года «Винер курир» потеряла треть читателей. Растеряла она их потому, что изо дня в день распространяла ложь и клевету против стран мира, демократии и социализма и не по разуму усердно прославляла «американский рай» и «политику силы».

После этого уточнения становится совершенно очевидным, что ловкие оккупанты не смутятся даже и тогда, когда австрийцы совсем перестанут читать изолгавшуюся «Винер курир» и вынудят американцев начисто её закрыть.

Ибо истые бизнесмены не теряются ни при каких обстоятельствах и действуют по английской поговорке: «Если небо упадёт, будем ловить жаворонков».

Рисунок Л. СОИФЕРТИСА.

На судебных процессах в США нередко вскрываются тесные связи, существующие между уголовными преступниками и полицией.

— Сколько вы хотите, чтобы мы прекратили против вас дело?

ВОСШЕСТВИЕ НИКОЛАЯ ТРЕТЬЕГО

(Судя по всему, был)

Когда в школе резервистов Форт-Мида в штате Мэриленд впервые появился приветливый голубоглазый джентльмен, отрекомендовавшийся запросто императором Николаем Третьим, царём и самодержцем всероссийским и прочая, и прочая, и прочая, там никто не удивился.

Уже давно во многих американских газетах и, между прочим, в «Вашингтон пост» сообщалось, что «армейские резервисты из Вашингтона проходят в Форт-Миде обучение для того, чтобы в будущем одерживать победы в борьбе за политический контроль над гражданами стран, в которых сейчас господствуют коммунисты». Сообщалось также, что постоянными консультантами, лекторами и экспертами по части будущего управления странами «освобождённой Европы» являются бывшие руководители этих стран, представители, как деликатно выражаются американские газеты, «правительств в изгнании».

Поэтому в штате школы резервистов Форт-Мида числились уже порядочное время не только беглые министры и удрывшие префекты полиции многих европейских, а также азиатских государств, безработные профсоюзные деятели, выгнанные за ненадобностью или вредностью из этих стран, и бывшие общественные деятели, потерявшие свою общественность... И недаром бывший заместитель государственного секретаря США Уолтер

Беделл Смит «с удовлетворением отмечал работу, направленную на освобождение угнетённых народов, проводимую их руководителями в изгнании», и «положительно отзывался о программе будущей структуры государственного устройства освобождённых стран Центральной и Восточной Европы, разработанной политическими и профсоюзными руководителями этих стран, находящимися в настоящее время в США».

Что ж тут было удивительного, если в Форт-Миде появился и русский царь Николай Третий?

— Отреченец или низложенец? — осторожно спросил царя полковник Чарльз Крауз, профессор политических наук в школе международных отношений при университете Джорджтаун (именно он разработал «практические учения», которые, как он сообщил в печати, «подразумевают страну в Европе и предусматривают освобождение страны от агрессора и создание демократического правительства»).

— Отреченец или низложенец? — повторил свой вопрос полковник Крауз.

— Назначенец, — не моргнув глазом, отвечал новоприбывший монарх. — Сама история назначила мне этот путь и ныне через Форт-Мид направляет стопы мои на престол.

— Но, простите, почему именно вы «третий»? — поинтересовался полковник. — Как известно, царь Николай Второй...

— В бозе почил! — подхватил, приветливо улыбаясь и доверчиво заглядывая своими голубыми глазами под суровые брови полковника, царственный джентльмен и продолжал: — Я его молочный брат, сэр. В жилах покойного императора текла... то есть, виноват, текло то же молоко, что и в моих. Мы были вскормлены с ним одной грудью. Моя матушка была придворной кормилицей. Мы появились на свет почти одновременно. И я был наречён также Николаем.

Николай Третий сразу очень приглянулся полковнику и был зачислен им в штат школы консультантом по освобождению Европы от коммунистов. Правда, в первый же день своего пребывания в Форт-Миде царственный джентльмен хватил лишку, и его пришлось нести на руках резервистам в то самое место, куда, как известно, даже в доброе старое время сам царь, и то пешком ходил... Но полковник привык считаться со странностями и причудами «правителей в изгнании», тем более, что Николай Третий, несмотря на то, что язык у него заплетался, очень ловко объяснил полковнику: «В чём дело, сэр?.. Я д-давно уже м-мечтал въехать на белой лошади под звон...» Он постучал по бутылке шотландского виски с маркой «Белая лошадь», царственно икнул и хотел, должно быть, сказать, что он мечтал въехать под звон колоколов. Но бедный царь-назначенец так долго прожил в Америке, что некогда русский его язык потёк, и Николай Третий сказал: «Я хот-тел въехать на белой лошади под звон... кока-колов...», — чем окончательно расположил к себе полковника Крауза.

Вскоре Николай Третий был представлен всем другим руководителям и «правителям в изгнании». Его подарила своей изысканной улыбкой изгнанная польская графиня. Ему предложил свою дружбу болгарский князь. Венгерский барон, чешский дворянин и румынский боярин — все эти аристократы с удовольствием приняли в своё высокопоставленное общество царя-назначенца.

Единственным, кто ни за что не хотел признать его, был русский князь Турусов, сам метивший в будущем на русский престол.

— Молочный брат! — кричал князь. — Плевал я на этого молочного брата! Подумаешь, в жилах одно молоко с императором! А у меня в желудке та же водка, что и у в бозе почившего. И я не какой-нибудь там молочный, а на самом деле брат покойного императора. Сводный брат. — И, доверительно наклонившись к ушку польской графини, князь Турусов шептал: — Понимаете ли, графиня, между нами говоря, моя матушка имела такое же отношение к его августейшему батюшке, какое его августейшая матушка имела к моему родному батюшке. Это, по крайней мере, уже действительно родство. А этот самозванец-назначенец пытается снять пенки с материнского молока и попасть в сливки общества! Прохвост!

В тот же вечер разыгрался скандал в апартаментах, где жили представители «правительств в изгнании».

— Молчите вы, сплетник! Сводная колонна! — кричал Николай Третий.

— А вы... пенкосниматель, августейшая простокваша! — доносился из-за двери голос князя.

Полковнику удалось, однако, потушить эту ссору и кое-как примирить молочного и сводного братьев русского императора.

Полковник пригрозил, что делает обоих братьев «низложенцами» ещё до того, как они взойдут на престол. Полковник Краузу было некогда, потому что Николай Третий попал в Форт-Мид в самый разгар практических учений по освобождению «страны Икс», как об этом сообщали американские газеты, которым мы и представляем тут слово:

«При проведении этой «борьбы на бумаге» отряды военной администрации в Форт-Миде исходят из того, что их сопровождают представители «правительства в изгнании», которые прибывают в освобож-

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

Американская разведка продолжает засылать шпионов и диверсантов в страны народной демократии.

- Хотелось бы получить жалованье лет за двадцать вперёд...
- Почему?
- Я же не знаю, на сколько меня там посадят.

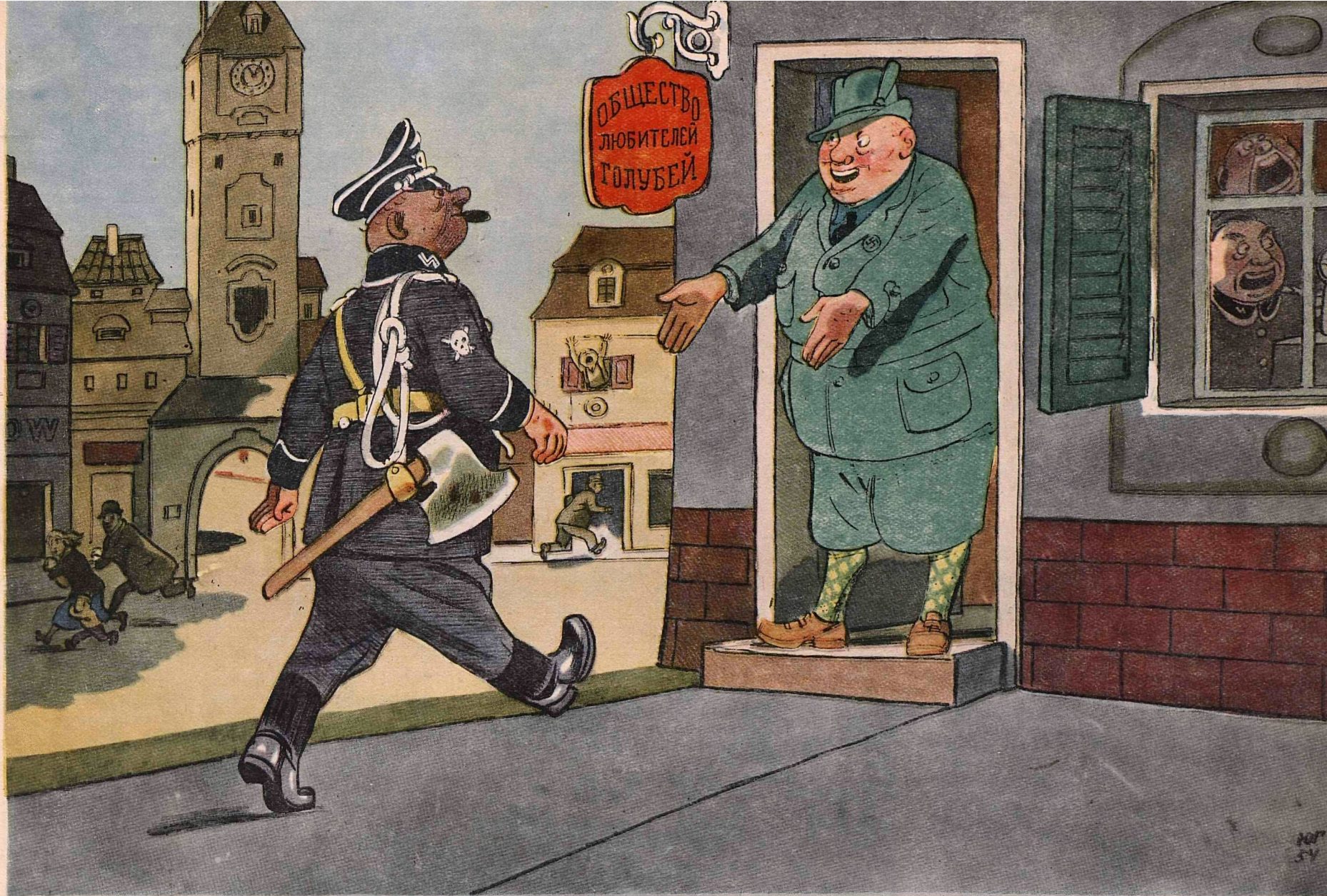

Рисунок Ю. ГАНФА.

— О голубка моя!

В Западной Германии часто проводятся съезды различных фашистских организаций. Недавно в г. Изерлоне состоялся съезд бывших эсэсовцев под видом «собраний любителей голубей».

дённую страну вместе с ними... Целыми днями они издадут директивы для резидентов «страны Икс» или беседуют со своими коллегами резервистами, которые выступают в качестве членов гражданского правительства страны...»

Николай Третий узнал вскоре, что среди резервистов, обучающихся в Форт-Миде, немало джентльменов уже имеют твёрдые назначения на посты «военных администраторов» в Европе. Тут были даже будущие министры, советники правительства, начальники полиции и командующие армиями «освобождённых» стран. Они принимали получаемое назначение уверенно и просто, как подобает армейским служакам. Зато в апартаментах «правителей в изгнании» всё время кипела склока, шли распри и междоусобицы. Тут грызлись из-за президентских постов, тронов и кресел, вырывали друг у друга министерские портфели и государственные назначения.

В дни этих практических учений полковник Крауз смог особенно оценить достоинства Николая Третьего. Чувствовалось, что этот царственный джентльмен рождён и вскормлен молоком придворной матери для того, чтобы повелевать. Он даже на полях «комиксов», которыми в часы досуга, отдыхая от государственных забот о Европе, развлекались правители, писал размашисто: «Прочёл с удовольствием. Николай Третий». В то время как другие правители на практических учениях по делу Европы между резервистами из американских военных округов иногда тушевались, будущий царь-назначенец решил просто: «Патронов не жалеть!», — чем умиллил даже князя Турусова, вызвав у

того самые лучшие воспоминания. Затем он преподавал резервистам ряд чрезвычайно полезных практических советов по устройству погромов, сам показал, как надо действовать нагайкой в условиях скопления толп и как лучше всего расставлять войска перед дворцом для расстрела демонстрантов... Полковник Крауз скоро уже души не чаял в Николае Третьем, назначив его старостой корпуса «правителей в изгнании».

Администрация Форт-Миде решила отметить заслуги Николая Третьего специальным отличием и наградой.

В назначенный час все 770 резервистов и представителей «правителей в изгнании» собрались в большом зале, где должна была состояться церемония награждения. Под бурные аплодисменты всех присутствующих на трон, то бишь на трибуну, взошёл Николай Третий и склонил свою плешь, алчущую российской короны. Полковник Чарльз Крауз обратился к нему с речью:

— Уважаемые джентльмены!.. Уважаемый, достопочтенный августейший коллега! Да, сегодня я ещё обращаюсь к вам так. Но я твёрдо убеждён... я незыблемо уповаю на то, что, с помощью господ бога и нашей военной администрации восстановив истинный демократический порядок в Европе, я смогу назвать вас так, как подобает: ваше величество... В нашей работе по подготовке водворения в Восточной и Центральной Европе, а также и в Азии истинно демократического порядка, то есть такого, который мы, истинные американцы, считаем единственно правильным порядком, вы, сэр, проявили себя как

незаурядный и мудрый государственный деятель, вполне готовый под нашим руководством возглавить намечаемое здесь нами дело демократизации мира по американскому образцу. Вы, уважаемый сэр...

Но в это время в другом конце зала послышался какой-то шум. Все невольно оглянулись и увидели двух рослых молодых, одетых почему-то в белые маскировочные халаты. Впрочем, при ближайшем рассмотрении халаты оказались не маскировочными, а больничными...

— Он? — спросил первый верзила, глядя на царя-назначенца.

— Если уж это не он, можешь считать, что и я уже не я, а царь Николай Четвёртый, — отвечал второй.

— В чём дело? — спросил полковник Крауз.

— Ничего, ничего, полковник, — пробасил верзила в белом халате, приближаясь вместе со своим спутником к трибуне. — Каждый делает своё дело. Простите, что мы несколько нарушили ваше торжество. Видите ли, мы ищем этого джентльмена уже вторую неделю. Он разобрал ограду и ушёл от нас, из центральной больницы штата для душевнобольных. С ног сбился... Хорошо, хоть один парень сказал нам, что многие, не имеющие царя в голове, но считающие себя в прошлом или в будущем царями, находят приют у вас. Ну, вот мы и пришли. Добрый день, ваше величество! Получайте вашу мантию.

И прежде чем Николай Третий смог что-либо возразить, двое здоровенных парней в белых халатах облачили его в смиренную рубашку.

Старые пословицы на новый лад

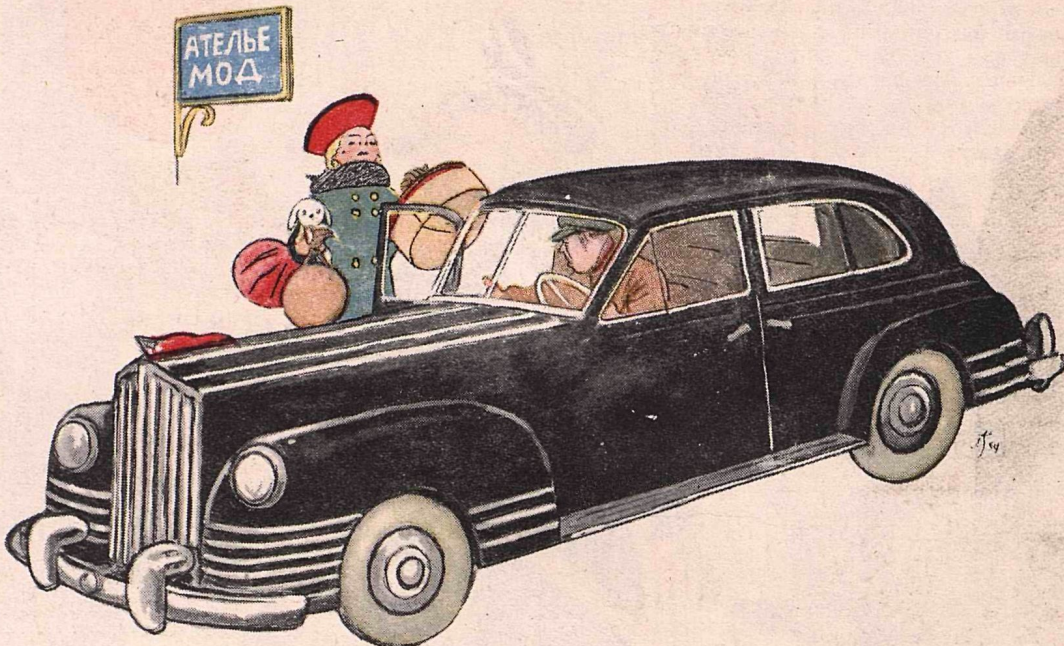

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Не в свой «ЗИС» не садись!

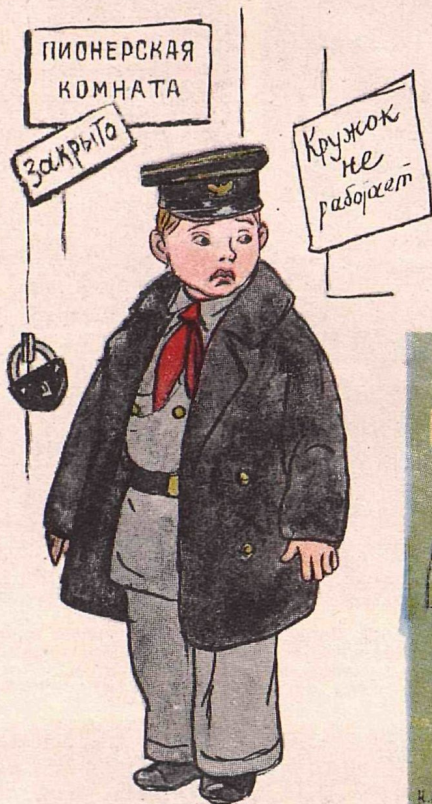

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Скучен день до вечера:
Коле делать нечего.

У семи нянек дитя без яслей.

ГДЕ КНИГИ, А ГДЕ ШКАФЫ?

«К СВЕДЕНИЮ» ИЛИ «К РУКОВОДСТВУ»

Кто в районе должен больше всего заботиться о районной библиотеке?

Может быть, вы думаете, что районный отдел культуры?

В городе Павлодаре, Казахской ССР, пишет нам тов. М. Стешенко, вот уже шесть лет пытаются доказать, что ближе всех к делам библиотеки должна стоять районная контора Главконсервмолоко. Делать нечего: молочники приняли на себя эту культурную миссию, выделили районной библиотеке комнату в десять квадратных метров и даже установили часы работы: когда сами трудятся, тогда открыта и библиотека. Правда, это неудобно семи сотням читателей, которые не могут сменить книги ни после работы, ни в воскресенье, но должна же чем-нибудь отличаться библиотека, опекаемая конторой Главконсервмолоко от всех других!

Семь тысяч книг седьмой год хранятся за печкой. А вот где находятся книжные шкафы, не каждый в Павлодаре знает. Нам удалось установить, что заведующий Павлодарским районным отделом культуры тов. Лойко держит эти шкафы в своём кабинете. Можно понять человека: надо же куда-нибудь сложить обширную шестилетнюю переписку с руководителями Павлодарского райисполкома о предоставлении помещения библиотеке!

Когда на станции и в депо Красноглинского отделения Куйбышевской железной дороги поступает приказ министра, там начинается форменная паника. Люди ломают головы: приступать им к исполнению приказа или не приступать?

— Разумеется, приступать! — с жаром настаивают одни, преимущественно новые работники.

— С ума сошли! — ужасаются другие, более опытные. — Как же исполнять приказ без санкции Ивана Фёдоровича Зубкова?

Иван Фёдорович Зубков — это начальник Красноглинского отделения. Он действительно взял себе за правило санкционировать каждый приказ министра либо его заместителей. Иван Фёдорович особой директивой прямо предписывает своим подчинённым: приказ такой-то «принять к сведению». Или: «...принять к руководству». Либо — в особо важных случаях — к тому и к другому вместе.

Представим себе, однако, такой кошмарный случай: а вдруг в один прекрасный день Зубков забудет дать свою санкцию? Ведь так низовые работники Красноглинского отделения, оставшись без руководящих указаний, чего доброго, убедятся, что выполнять приказы министра можно и без особых на то директив тов. Зубкова.

В каком щекотливом положении окажется тогда Иван Фёдорович!

ПОЧЕМУ ОН НЕРВНЫЙ?

В городе Нижний Тагил, Свердловской области, благополучно завершается, как сообщает нам тов. Я. Кунин, строительство новой больницы. На фронтоне одного здания высечены по камню слова «Главный корпус», на другом — «Детский корпус», а что на третьем — свидетельствует снимок.

Подумайте хорошенько и ответьте: почему он нервный? Кто его таким сделал?

Рассказывает тов. Кунин. Знаю, говорю, что это неслучайно, да ничего не подает! Раз на проектом чертеже машиниста «нервный», — знает, и быть по нему. Меньше ищите о нем и о нем и правды...

ЗА ЧТО ИХ ТАК?..

В славном городе Темир-тау, Карагандинской области, есть стадион. А на стадионе, как водится, статуи физкультурников. Только не совсем в обычном виде.

И всем, конечно, интересно: за что и кто их, бедных, обезглавил?

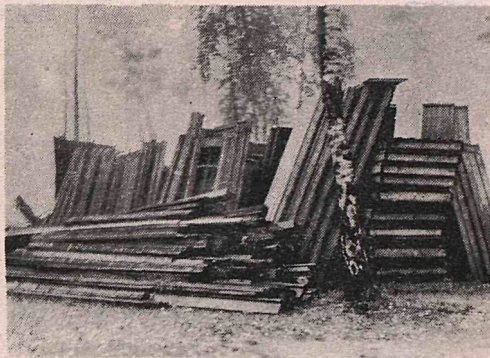
— А их никто и не думал обезглавливать! — отвечает наш читатель тов. Н. Козлов. — Как привезли три года назад, вытаскивая из ящиков порозь торцы и головы, так тут и пропали. Пусть, мол, не бояться ни дождя и ни холода. Пусть купят в магазине это подело...

**ПОДУМАЙ
НА ДОСУГЕ!**

ЧТО НА СНИМКЕ?

Отгадывать адрес не трудитесь. Сразу скажем: снимок сделан тов. Л. Шуманом в подмосковном посёлке Малаховка, на улице Герцена.

А вот что на этом снимке запечатлено?

Впервые, детали шести сборных домов, шестой месяц валяющиеся под открытым небом. Во-вторых, некоторые свёрнутые в рулоны материалы, оставшиеся от строительства. В-третьих... Вроде бы, обо всём этом можно и не читать, а сразу и вразумительных домов — Минин-терпелива желтой металлизированной...

А КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЁТ?

Стоит теремок, покосился вбок, кровля похлипла, стенка развалилась... Плохой теремок! А кто в нём живёт? — спрашивает тов. Б. Галкин.

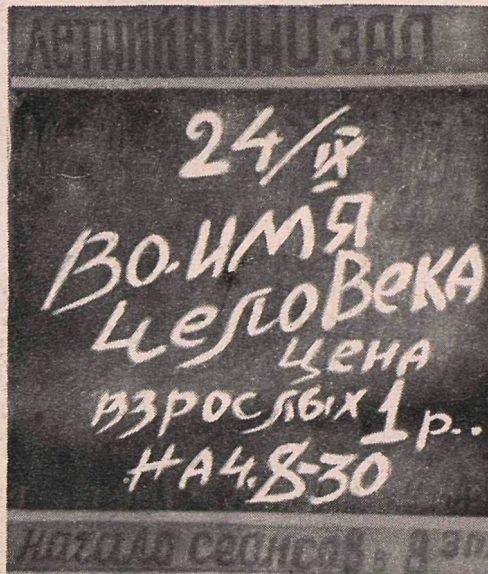
Может, угадаете?

Если думаете, что тут живёт директор орловского отделения Кустового тов. Чудинцевских, — не забудьте, что тут живёт директор орловского отделения Кустового тов. Чудинцевских, — не забудьте, что тут живёт директор орловского отделения Кустового тов. Чудинцевских...

УГАДАЙ-КА!

Пришло население дома отдыха на свою киноплощадку и увидело анонс об очередном культурном мероприятии.

А вывесил это приятное оповещение местный штатный культурник. Он же обрадовал недавно отдыхающих плакатами о кинокартинах «Записки пЕквикского клуба» и «Новый конец вражды»...

В связи с этим наш читатель тов. Р. Матусевич предлагает угадать: где, в чьём именно доме отдыха пришёлся ко двору такой не обыкновенный чрезмерной культурой культурник?

Представьте себе, в доме отдыха работников культуры. Не верите? Вот адресок: Крым, Ангика-Сара. Заглядывайте, когда будет нужда в культурном отдыхе!

ГДЕ МАСТЕР?

Присмотритесь, пожалуйста, к снимку, вырезанному из газеты и присланному нам тов. П. Егоровым.

Что на этом снимке изображено, мы вас не спрашиваем. Об этом совершенно недвусмысленно сказано в подписи:

«На снимке: мастер технического училища И. В. Архипов знакомит учащихся с токарным станком».

Вам остаётся, следовательно, поискать получше (может быть, за колоннами) и ответить только на один вопрос: где мастер, где его станок и где ученики?

По советам сказать, мы и сами этого не знаем. Придётся, видимо, спросить у канцелярии этого снимка с такой подписью редактора Мордовской районной газеты, Тамбовской области. Г. В. Тимохина.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Крокодил» на 1955 год производится местными отделами «Союзпечати» и почтовыми отделениями. Редакция и издательство приём подписки не производят.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06256. Изд. № 947 Подписано к печати 29/Х 1954 г. Формат бум. 70 × 108/16. Заказ № 3290. Тираж 400 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Новый «западноевропейский союз» преследует ту же цель вооружения германских милитаристов, что и «европейское оборонительное сообщество»: организаторы этого союза, пытаясь усыпить бдительность народов, заменили лишь вывеску.

40
1 июля 1954

93769-2
Всесоюзная
Министерская палата
Общед. экзempl.
1954 г.

С одной стороны вы отказались от него...

